090-095-Artemev 5/25/05 13:52 Page 90

ДРАМА ИСТОРИИ

Александр АРТЕМЬЕВ

ВОРОВСКОЙ ОСТРОГ

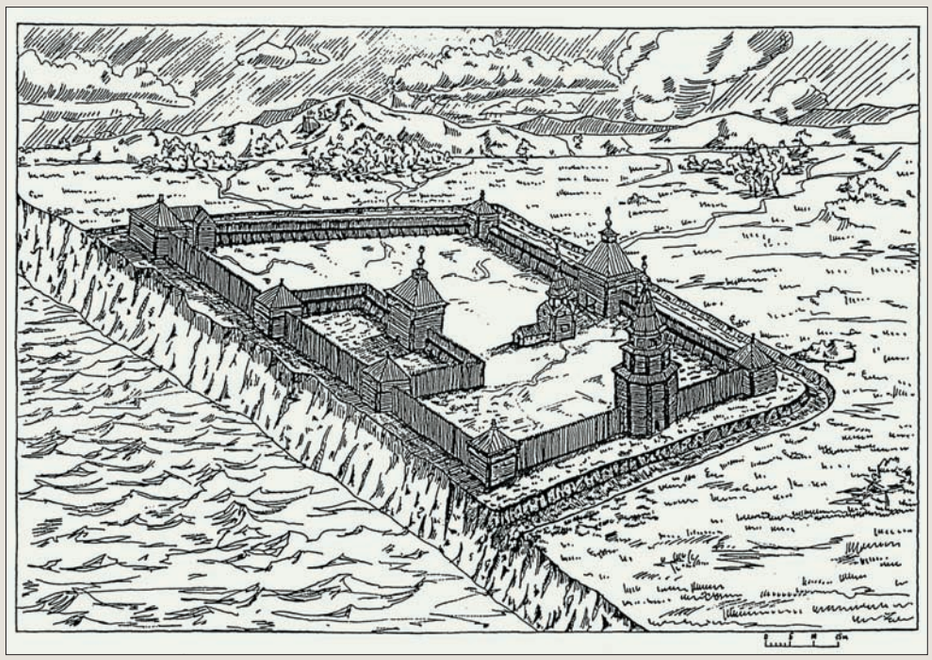
Русские — китайцы: до последней капли крови

Хорошо сохранившиеся валы Албазинского острога и ныне стоят на краю современного села Албазино Сковородинского района Амурской области. Это было крупнейшее укрепление русских первопроходцев на Амуре во второй половине XVII века.

Впервые Албазин упоминается в 1650 году, когда в конце сентября отряд Е. П. Хабарова занял на Верхнем Амуре городок даурского князя Албазы, имя которого впоследствии и дало название острогу. Покидая городок в июне 1651 года, Хабаров приказал сжечь его[1].

Новый, подлинно русский, этап в истории Албазина начался в 1665–1666 годах, когда туда переселилась группа из 84 казаков и крестьян во главе с Никифором Романовичем Черниговским. Эти люди убили на Лене в устье реки Киренги илимского воеводу Л. А. Обухова «за невозможное свое терпение, что он, Лаврентей, приезжая к нам в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал». В числе пострадавших от произвола воеводы был и служилый илимский человек Черниговский, бывший ссыльный, происходивший из Речи Посполитой, который возглавил восстание, а затем ушел, спасаясь от наказания, с товарищами на Амур.

Царь Алексей Михайлович заочно приговорил Черниговского с детьми и товарищами (17 человек) к смертной казни, а еще 46 человек к наказанию кнутом и отсечению руки. Беглецы поставили на Албазинском городище «воровской острог», как его стали именовать в приказной документации, который стал единственным русским укрепленным пунктом в Сибири, построенным без царского разрешения. Порядок возведения новых острогов в Сибири и на Дальнем Востоке предполагал обязательное получение разрешения на строительство у воеводы или приказчика острога, откуда отправлялись осваивать новые земли отряды первопроходцев. Приказные люди острогов сразу же сообщали о своих действиях воеводам уездных центров, а те в Сибирский приказ, где их инициатива, как правило, получала высочайшее одобрение. Описания и чертежи возводимых на присоединенных землях укреплений в обязательном порядке пересылались в Москву. Основание острогов без согласования с Сибирским приказом было случаем исключительно редким и зачастую заканчивалось уничтожением уже поставленных городков. Однако ничего поделать с Албазином в сложившейся ситуации сибирские власти не могли из-за крайнего малолюдства в примыкающем к нему Нерчинском уезде. Новоявленные албазинцы повели себя не по-сибирски мудро. Вме-



Преображенская часть Албазинского острога. Здесь была обнаружена полуземлянка с останками защитников крепости.

Албазинский острог в 1682–1685 гг.
Вид с юго-запада. Реконструкция.

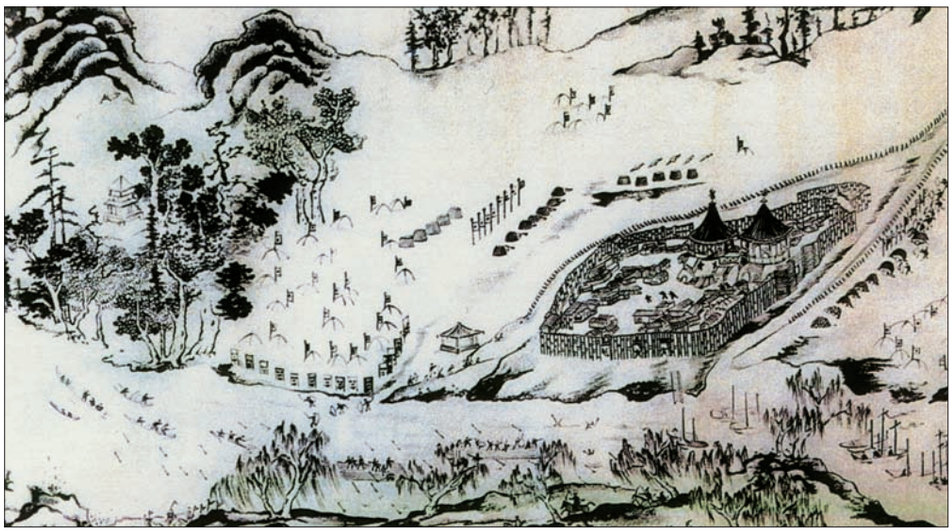
090-095-Artemev 5/25/05 13:52 Page 91

сто того чтобы заняться грабежом аборигенов, как это было принято почти повсеместно, они с 1667 года взяли на себя функции сбора ясака с местного населения. Весь собранный ясак албазинцы исправно переправляли через Нерчинск в Москву. Эти действия были по достоинству оценены приказной администрацией, и по новому указу царя в 1672 году Черниговский с товарищами были прощены и поверстаны на службу в Албазинском остроге. Дети Черниговского и товарищи их, сидевшие в тюрьмах в Илимском и Якутском острогах, были отправлены — одни с женами и детьми в Енисейский и Красноярский остроги, а другие — в Томский острог в пешую стрелецкую службу. Так неожиданно единственный в истории Сибири «воровской» острог стал государственным.

Вторая половина 1670-х годов ознаменовалась активной подготовкой маньчжурского Китая к военным действиям в Приамурье. В 1682–1683 годах под давлением маньчжуров албазинские казаки были вынуждены покинуть построенные несколькими годами ранее Верхозейский, Селинбинский и Долонский острожки на реке Зее и ее притоках, и грядущее нападение на Албазинский острог представлялось уже неизбежным.

Ввиду этого 16 октября 1681 года нерчинский воевода Ф. Д. Воейков послал управляющему Албазинским острогом, своему сыну А. Ф. Воейкову приказ срочно построить новый острог. Новые стены и башни Албазина были срублены служилыми и промышленными людьми к лету 1682 года. Стены нового острога оградили значительно большую, чем прежде, территорию, окружив с трех сторон старый острог.

Маньчжуры в открытую угрожали нападением на Нерчинск и Албазин, и по указу царей Ивана и Петра Алексеевичей в сибирских городах был произведен срочный набор 600 человек служилых людей для посылки на защиту даурских острогов. По разнарядке было набрано тобольских пеших казаков 100 человек, «новоприборных» — тобольских 250 человек, туринских 30, верхотурских 130 и тюменских 90. Всем им было обещано по 10 рублей подъемных денег. Однако на деле им было выдано лишь по 5 рублей, а годовое жалованье не было выплачено вовсе. В итоге, отправившись в мае 1684 года на восток, служилые люди не подчинялись своим начальникам, грабили по дороге приказных и торговых людей и даже осадили Енисейск. В конце концов воевода К. О. Щербатов выдал «новоприборным» хлебное жалованье, дощаники для проезда до Иркутска и назначил к ним «начальным человеком» енисейского сына боярского Афанасия Ивановича Бейтона. Шестисотенный полк пришел в Нерчинск летом 1685 года. Тогда еще никто не знал, что бóльшая часть его личного состава, проявив чудеса стойкости и героизма, погибнет, защищая Албазин.



Осада Албазина. Китайский рисунок. XVII в. Библиотека Конгресса США.

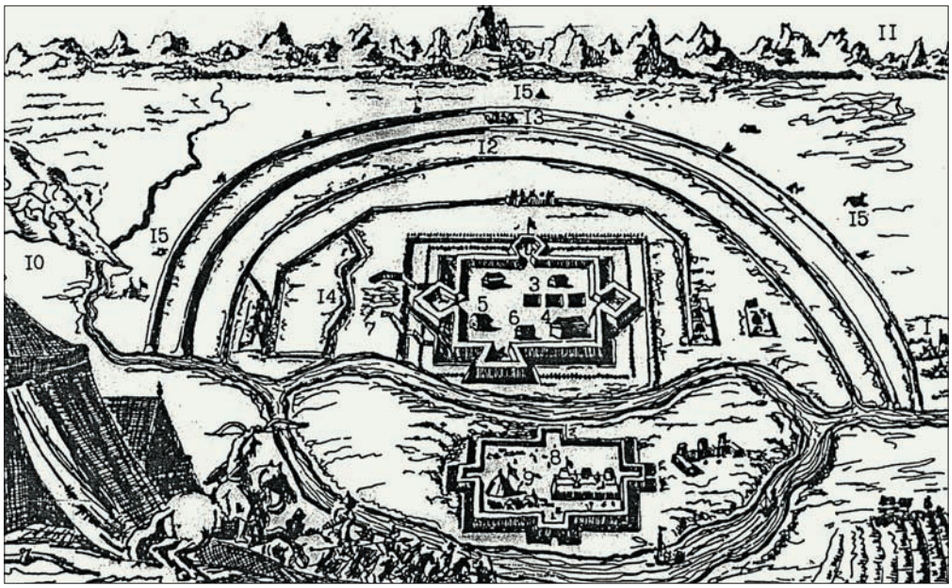
Тем временем 12 июня 1685 года маньчжурское войско в составе около 5000 пеших человек, приплывших на судах, среди которых 1200 были обслугой без всякого оружия, и 1000 конных воинов, прибывших по суше, осадило Албазин. На вооружении у них было 30 больших пушек и 15 малых, а также около 100 пищалей, захваченных у русских на реках Зее, Селемдже и Амгуни. Уже после первого штурма острога 16 июня выяснилось, что ядра «проломных» пушек маньчжуров легко пробивают стены и башни острога. Тем не менее, потеряв 100 человек из 450, албазинцы, имевшие в своем распоряжении три пушки и около 300 пищалей, отбили приступ. Огненные стрелы маньчжуров сожгли церковь, колокольню, лавки и хлебные амбары, запасы пороха и свинца были на исходе, но албазинцы продолжали защищаться. Тогда маньчжурский воевода Лантань приказал обложить стены крепости хворостом и дровами и поджечь, после чего положение защитников острога стало безвыходным. Ввиду этого воевода Алексей Ларионович Толбузин по просьбе албазинского духовенства, служилых, торговых, промышленных и пашенных людей был вынужден начать переговоры о капитуляции. По ее условиям оставшиеся в живых албазинцы беспрепятственно ушли, некоторые по реке Урке на Лену в Якутск, а основная часть в Нерчинск, куда прибыли 10 июля «наги и босы и голодны», питаясь только травой и корнями, поскольку маньчжуры отобрали у них все съестные припасы, лошадей и скот[2].

Уже 15 июля воевода И. Е. Власов направил отряд в 70 казаков на албазинское пепелище. Выяснив, что китайцы ушли, он отправил туда пришедший на подмогу в Нерчинск отряд под командованием казачьего головы, поручика Афанасия Бейтона, возглавлявшего подошедшую наконец-то подмогу. В августе вернулся в Албазин и воевода Толбузин, после чего общая численность «новоприборных» и старых албазинских служилых людей составила 514 человек и два московских пушкаря, промышленных людей и пашенных крестьян 155 человек. Им было приказано построить новый острог или город с колодцем «ниже старого албазинского острожного места, чтоб неприятелю было не в уступку». Новый острог возвели все же «на старом Албазинском острожном месте». В июне 1686 года строительство нового острога было в основном закончено, и только башни крепости покрыть не удалось, потому что 7 июля (по китайским источникам — 8 июля) маньчжуры вновь осадили город. Лучшее представление о внешнем виде этой крепости дают рисунок из китайской рукописи, хранящейся в библиотеке Конгресса США, и план из книги амстердамского бургомистра Н. Витсена «Северная и Восточная Татария», впервые опубликованной в Амстердаме в 1692 году.

Новая осада Албазина продолжалась пять месяцев. К времени ее начала в кре-

090-095-Artemev 5/25/05 13:53 Page 92

пости находилось 826 служилых и промышленных людей и пашенных крестьян. На вооружении в остроге находились 8 пушек медных, 3 пищали затинных, пушка верховая, к ней 30 гранат пудовых, 140 гранат ручных, 5 ядер духовых, 112 пудов 36 фунтов пороху ручного и пушечного, 60 пудов 6 фунтов с полуфунтом свинца. Маньчжурское войско прибыло к стенам Албазина по Амуру и по суше. Точная численность его стала известна только 30 августа 1687 года, когда к русским перебежал вконец оголодавший китаец Миюска, который был в рядах «работных» людей маньчжурского войска с момента их прихода и до отступления. Он сообщил, что под Албазин приходило 3000 солдат и 1000 работных людей. На вооружении у них было 56 пушек и около 200 пищалей.



Албазинский острог. Осада крепости маньчжурами в 1686–1687 гг.

Полуземлянка с останками непогребенных защитников Албазина.

Маньчжуры блокировали острог со всех сторон и приступили к его осаде. Сначала нападающие соорудили вплотную к стенам острога две башни, превышающие их по высоте, чтобы из-за укрытия спокойно поражать его защитников. Однако первую из них из сухого дерева казаки сожгли, а другую из сырого дерева уничтожили подкопом. Подкопы маньчжуров под укрепления острога были пресечены встречным подкопом, где погибло много нападавших, включая одного воеводу. Когда же эти попытки провалились, маньчжуры окружили крепость плотным кольцом из вала с бойницами и трех рядов рогаток и, возведя вокруг четыре раската для двух пушек каждый, один из которых находился на острове напротив острога, начали его обстреливать. Особенный урон наносила укреплениям Албазина батарея, располагавшаяся в 120 м севернее острога, где был возведен частично сохранившийся поныне раскат высотой 12 м, на нем установили две пушки и еще 15 «ломовых» пушек рядом с ним. Стрельбой нападавших днем и ночью руководили 20 переодетых в маньчжурскую одежду голландцев-иезуитов. Уже на пятый день осады воевода Толбузин был смертельно ранен ядром (ему оторвало правую ногу по колено), залетевшим в бойницу башни, из которой он наблюдал за противником, и через четыре дня скончался. Командование острогом принял казачий голова Бейтон. В октябре 1688 года, вспоминая покойного, он написал нерчинскому воеводе И. Е. Власову: «Пили мы с покойным одну кровавую чашу с Алексеем Ларионовичом, и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали, и видим себе всегда час гробный, указал нам Господь земному богу служить и правду объявить и памятовать смертной час»[3].

13 июля маньчжуры предприняли атаку острога с юга, но казаки смело вышли через ворота проездной башни им навстречу и вступили в бой. Неприятель штурмовал город до рассвета, но безуспешно. Ночью 15 июля цинские войска попробовали захватить казаков врасплох, но попали в засаду и были отбиты. Еще одну неудачную попытку овладеть крепостью маньчжуры предприняли 17 июля. На следующий день под прикрытием массированной стрельбы из пушек и луков неприятель возвел вблизи стен Албазина свои укрепления. Албазинцы совершили несколько вылазок с целью разрушить маньчжурские укрепления. Особенно значительным было предприятие 16 августа, когда русские пытались уничтожить северную батарею противника. За пять выходов из осажденной крепости, которые в документах называются вылазками «за языками», казаки уничтожили около 150 воинов противника, в том числе двух сотников. Потери албазинцев на вылазках составили 21 человек, еще 40 погибли в остроге при обстрелах и 50 от цинги.

Упорство русских поражало маньчжуров. В указе императора Канси от 13 августа было написано: «Русские, находящиеся в Албазине, стоят здесь насмерть» и делалась попытка объяснить это тем, что письма императора с предложением добровольно покинуть Приамурье до них не дошли, или тем, что все русские, проживающие в Албазине, являются осужденными преступниками и не могут вернуться на родину.

1 сентября, в Семенов день, маньчжуры предприняли штурм города, но безуспешно. Тогда они стали забрасывать в острог письма с предложением его защитникам сдать город, обещая снабдить их продуктами и проводить до ближайшего острога, а желающих перейти на

090-095-Artemev 5/25/05 13:53 Page 93

службу к императору щедро наградить. «Осадные сидельцы», как именовали себя сами албазинцы, единодушно решили защищать крепость, пока хватит хлебных запасов, а затем «слить» пушки и, уничтожив порох и гранаты, прорываться с пищалями к Нерчинску.

Цинские войска продолжали обстреливать острог до 4 ноября, а 30 ноября маньчжурские воеводы получили распоряжение императора о снятии осады. Формальным поводом для этого послужил приезд в Пекин гонцов из Москвы с известием о выезде в Приамурье русского посольства во главе с окольничим Федором Алексеевичем Головиным для переговоров о мире. К этому времени оторванные от баз снабжения маньчжуры потеряли на приступах, от голода и болезней более 1500 человек. Положение осажденных албазинцев было намного трагичнее. В декабре их осталось всего 150 человек, из которых нести караульную службу могли лишь 30 мужчин и 15 подростков, другие ослабели от ран и цинги.

Выполнить приказ императора Сюань Е об отступлении маньчжуры не смогли, поскольку лед уже сковал их суда, и фактически осада продолжалась. Правда, маньчжуры сняли с раскатов пушки и щиты с приступных мест, но продолжали жить вокруг города. Выходить русским из крепости разрешали только на Амур, а в лес за дровами и сосновыми ветками, чтобы сварить отвар от цинги, не давали. Однажды маньчжурские воеводы все-таки пропустили 12 служилых людей в лес за сосновыми ветками под надзором своих караулов, но на обратном пути схватили их и, привязав арканами к седлам лошадей, долго таскали на виду защитников крепости по полям, а затем едва живых отпустили. Шестеро из этих людей в тот же день скончались.

Большие трудности со снабжением продовольствием и из-за вспыхнувшей в войске эпидемии испытывали и маньчжуры. 19 января 1687 года императору Канси пришлось издать указ о запрещении вывоза зерна со всей территории Мукдена, откуда осуществлялись поставки в армию на Амуре, а 10 февраля 1687 года указ о направлении в войска врачей для борьбы с эпидемией. «Нам известно, — писал император, — что после снятия осады Албазина среди воинов имеется много больных. Это лучшие маньчжурские войска, мы испытываем чрезвычайное сожаление. Ныне специально посылаются два врача и лекарства для их лечения. Хотя русские и оказывали нам сопротивление, но наше войско при первом захвате Албазина не предавало население казни. Если теперь в городе есть больные русские, то эти врачи также могут оказать им помощь с тем, чтобы, возвратясь в свою страну, русские распространяли там славу о нашем великодушии».

Руководивший обороной Албазина Бейтон с трудом передвигался тогда на костылях. Однако он отказался впустить в крепость маньчжурских лекарей, ответив на предложение помочь, «что в Албазине служилые люди милостию Великого Бога все здоровы и немощных никого нет». Чтобы продемонстрировать маньчжурам боеспособное состояние защитников острога, на Пасху он послал изумленным китайским полковым воеводам пшеничный пирог весом один пуд, который они «приняли с честию». В это тяжелое время Бейтон не решился предать земле тела павших албазинцев без отпевания, поскольку священник также умер, о чем сообщил нерчинскому воеводе Власову: «И те умершие люди похоронены в городе в зимовьях поверх земли без отпеву до твоего рассмотрения. А ныне я с казаками живу во всяком смрадном усыщении. А вовсе похоронить без твоей милости и приказу дерзнуть не хощу, чтоб, государь, в погрешении не быть. А хоте, государь, ныне и благоволишь похоронить, да некем подумать и невозможно никакими мерами». Похоронить павших алба-

Знамя албазинских казаков. 1680-е гг.

Торжественное отпевание 57 непогребенных защитников Албазина. 8 августа 1992 г.

090-095-Artemev 5/25/05 13:53 Page 94

Медные пуговицы с одежды непогребенных защитников Албазина.

Медные нательные кресты непогребенных защитников Албазина.

Икона Албазинской Божьей Матери «Слово плоть бысть».

зинцев достойным образом возле церкви Воскресения, где в остроге находилось кладбище, Бейтону так и не удалось.

Только в мае 1687 года, когда сошел лед, маньчжуры отступили от города на четыре версты, но не уходили, чтобы помешать албазинцам посеять хлеб. К этому времени их потери составляли уже 2500 «воинских людей» и много «работных никанских мужиков», а в Албазине осталось в живых только 66 «осадных сидельцов»[4].

29 августа 1689 года в Нерчинске был подписан русско-китайский договор, по которому граница между двумя государствами проводилась по впадающей с севера в Шилку реке Горбица. Албазинский острог по нему оказывался за пределами русской территории и подлежал уничтожению, а его жители переселению. Правительство царевны Софьи решило поступиться Албазином и Приамурьем для заключения мирного договора с маньчжурским правительством Цинской империи, который, по их мнению, должен был укрепить пошатнувшийся после провала крымских кампаний престиж регентши на международной арене и внутри страны.

31 августа глава русского посольства Федор Головин послал Афанасию Бейтону указ об оставлении и разорении Албазина, а 5 сентября маньчжурское посольство прибыло к Албазину. Служилые люди на глазах китайских послов и воевод сожгли деревянные строения острога и раскопали вал. После этого они погрузились на предоставленные маньчжурами бусы (большие лодки) и отправились в Нерчинск.

В музеях сохранились некоторые из светских и церковных атрибутов Албазинского острога. Это, прежде всего, его серебряная печать, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, знамя албазинских казаков, хранящееся в Оружейной палате Московского Кремля, и чудотворная икона «Слово плоть бысть». Эта икона более известная теперь как икона Албазинской Божьей Матери, почиталась как чудотворная еще до принесения ее в Приамурье и по сию пору пребывает в Благовещенске. Они для нас — напоминание о русском духе и мужестве албазинцев.

Однако на этом история не закончилась…

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ

В 1974–1976 и 1979–1980 годах Албазинский острог исследовался отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР под общим руководством академика А. П. Деревянко. С 1989 года изучение Албазинского острога ведется Амурской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. В ходе этих работ нами были исследованы две угловые башни острога 1682–1685 годов — северо-восточная и юго-восточная. Выяснилось, что земляные валы крепости, возведенной осенью 1685 — весной 1686 года, были насыпаны прямо на обугленные тыновые стены и башни крепости 1682–1685 годов и потому сохранили их, по-видимому, почти в том виде, в котором их оставили маньчжуры. Тыновые стены надежно защищали землепроходцев от стрел аборигенов, и такая конструкция стен, уже давно отжившая свой век в европейской России, была в Сибири преобладающей. Причиной этого было, по меткому выражению академика А. Миддендорфа, то, что русские в Сибири «в течение целого столетия слышали выстрелы только своих, а не вражеских пушек». Действительно, после покорения Сибирского ханства служилые люди и землепроходцы имели дело за Уралом с народами, не знавшими огненного боя и не умевшими вести правильную осаду крепостей. Другое дело маньчжуры, унаследовавшие артиллерию сокрушенной ими династии Мин, которым та была предоставлена португальскими миссионерами. Новые пушки европейских образцов были отлиты непосредственно в Китае находившимися при дворе императора Сюань Е голландскими иезуитами во главе с Фердинандом Вербистом. В итоге тыновые стены острога и башни Албазина не смогли противостоять пушечному бою маньчжуров.

Остатки укреплений Албазина 1686–1689 годов представлены весьма хорошо сохранившимися валами из прокаленной глины. Эта последняя крепость была деревоземляной. Конструкция укреплений, состоявших из земляной насыпи, укрепленной плетнем, называлась на Руси «китай-городом». Это несложное сооружение было чрезвычайно эффективным средством борьбы с разрушающей силой пушечных ядер, которые в нем вязли. Деревоземляные укрепления Албазина были усилены «бастеями» (бастионами) — выступающими за линию валов платформами, которые обеспечивали более эффективный фланкирующий огонь орудий, чем пушки на башнях, стоявших в линии таких валов. Четыре таких бастиона изображены примерно посередине каждого из четырех валов крепости в упомянутой книге Н. Витсена. Эта работа, которую исследователи называют «географической энциклопедией по Азиатской России», отличается высокой степенью достоверности помещенных там

090-095-Artemev 5/25/05 13:54 Page 95

карт и планов, поскольку информаторами Витсена были люди в высшей степени компетентные. Не составляет исключение и план Албазина и его округи во время его осады маньчжурами в 1686–1687 годах, за исключением некоторых деталей укреплений острога. Еще более достоверным является китайский рисунок осады Албазина, хранящийся в библиотеке Конгресса США. На нем юго-восточный угол укреплений крепости имеет форму почти классического бастиона. Автор этого рисунка, несомненно, был очевидцем осад Албазина и в 1685-м, и в 1686–1687 годах, которые он на нем совместил. Дело в том, что на рисунке, помимо укреплений острога и маньчжурских осадных сооружений 1686–1687 годов, присутствует известная еще по описи 1674 года часовня «в надолбах» у северо-западного края крепости, которая была уничтожена при осаде 1685 года. Кроме того, на переднем плане рисунка изображены события, имевшие место 15 июня 1685 года, когда более 40 переселенцев на плотах приплыли к Албазину. Маньчжуры предложили им сдаться, но русские отказались и вступили с ними в бой, сцены которого и запечатлел неизвестный автор. Более 30 русских были зарублены, 15 их жен и детей захвачены в плен.

Страшное свидетельство тяжелейшей для албазинцев осады крепости было обнаружено нами в прибрежной части острога. В 1991 году была найдена «братская могила» защитников крепости, в которую превратилась небольшая полуземлянка. Она имела размеры 6х3,5 м и была ориентирована краями почти строго по сторонам света. Человеческие скелеты заполняли всю землянку, за исключением небольшого пространства перед устьем печи, расположенной в ее северо-западном углу. Всего, судя по количеству черепов, в помещении находилось 57 тел. Все они были положены одетыми. Об этом свидетельствуют находки 40 бронзовых и оловянных пуговиц, а также фрагменты шерстяной вязаной ткани. Только один-единственный мужчина был положен в полуземлянку в гробу. Гроб был поставлен на полу у северной стены помещения и позже заложен сверху телами остальных погибших. Плохая сохранность черепов и тазовых костей скелетов не позволила нам произвести их точное половозрастное определение. Тем не менее несколько черепов были, совершенно очевидно, детскими. Кроме того, среди погребенных было около 10 женщин, о чем свидетельствуют 18 единичных и серийных находок пастовых, стеклянных и сердоликовых бус в 8–9

Серебряный нательный крест с инкрустацией золотом, принадлежавший одному из защитников крепости.

Серебряная печать Албазинского острога 1682 г.

различных местах, серебряная серьга, а также фрагмент косички из черных волос. Подавляющее большинство открытых тел принадлежало русским казакам. Среди женщин были представительницы местного даурского и эвенкийского населения, фиксируемые по упомянутой косичке, фрагменту ткани, обшитой одекуем, и телу, завернутому в бересту, — чертам, традиционно характерным для аборигенов Верхнего Приамурья. В телах двоих из обнаруженных в полуземлянке защитников крепости были найдены наконечники стрел, еще двое погибли от свинцовых пуль. Среди тел, лежавших в открытом нами помещении, были обнаружены три раздавленных упавшей кровлей горшка, по-видимому с поминальной кутьей. Еще один горшок был найден стоявшим в устье топки печи.

Помимо перечисленных предметов, в полуземлянке были найдены 25 нательных крестиков — три серебряных, один из которых штучной работы инкрустирован золотом, и 22 медных; три ножа, один из которых с бронзовыми и деревянными деталями рукояти и остатками ножен из дерева и кожи, а также бронзовое навершие рукояти ножа; два железных топора, багор, острога, обломок стремени, пряжка, наконечник шомпола для ружья, две подковки для сапог, железное и бронзовое кольца от ремней, железная пряжка, кремень для ружья, два каменных грузила для сетей, обломок жернова, точильный камень, обрывок кожи со следами шва, фрагмент берестяного туеска и серебряная копейка царя Федора Алексеевича 1680 года.

Совершенно очевидно, что открытая нами полуземлянка была одним из тех зимовий, куда по приказу Бейтона были сложены тела погибших, но не отпетых по православному обряду албазинцев. Именно поэтому накануне экспедиционного сезона 1992 года я обратился с просьбой о помощи к епископу Хабаровскому и Благовещенскому преосвященному Иннокентию. Владыка Иннокентий благословил наши исследования и выделил на них средства, пообещав в нужное время прислать священника для погребения останков защитников Албазина.

8 августа 1992 года по нашей инициативе и по решению администрации Сковородинского района Амурской области с благословения епископа Хабаровского и Благовещенского преосвященного Иннокентия (ныне епископа Корсуньского в Париже) останки героически погибших защитников крепости были отпеты протоиереем о. Валентином и торжественно погребены по православному обряду под звуки воинского салюта на территории Албазинского острога при большом стечении общественности. С тех пор ежегодно вторая суббота августа является в Албазине днем поминовения павших при его защите землепроходцев. В этот день по ним служится торжественная литургия, на которой присутствуют многочисленные паломники и прямые потомки албазинских казаков, покинувших Албазин после русско-китайского Нерчинского договора 1689 года, и их правнуков, вернувшихся и восстановивших крепость после Айгунского договора 1858 года, возвратившего Приамурье России. Мемориальная часовня, возведенная над могилой, стала по существу памятником всему казачеству Сибири, защищавшему крепость от маньчжуров.

Примечания

1. Дополнения к актам историческим. СПб. 1851. Т. 4. С. 260.
2. Дополнения к актам историческим. СПб. 1872. Т. 12. С. 110–111; Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691 /Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М. 1972. С. 692.
3. Дополнения к актам историческим. СПб. 1867. Т. 10. С. 263; Паршин В. П. Указ. соч. С. 168, 183, 190–191; Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 108–112; 115; 117; 119; 123–125; 127; 131; 148–149; 157–159; 163; 194–195; 682; 694–695; 776.
4. Мясников В. С., 1996. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX. М. 1996. С. 112.